

Рустам МАВЛИХАНОВ

ПОВТОРЕНИЕ

Стоя у стены в ожидании расстрела за 40 лет и пять дней до моего рождения¹, разглядывая выщерблины на кирпичах, крепко связанных раствором, который некий урус², благословясь и перекрестясь, замешав на яйцах, укладывал слой за слоем, вспоминая ходы жуков-короедов на брёвнах сруба, что наконец-то удалось построить на месте их покосившейся саманной мазанки, напевая Ирендык да Сандугач³, пронсясь по своей жизни, по лицам родных, что сгинут, забытые и маленькие, на той войне незначительной⁴, вмерзая пальцами в проклятый ледяной приклад проклятой винтовки посреди проклятой тайги, или, потеряв руку, отстроят, вернувшись с «За отвагу» и Славой III степени с войны большой, новые дома и новую жизнь, и переживут разруху, и бабушку, что, обменяв соломенную крышу на горшок пшена и отлив горячей водой от стены приморозившиеся за ночь волосы мамы, сбежит от фининспектора к детям в город, Альхамдулиллах⁵, выучившимся в Ырымбуре⁶, и будет коротать свой век, повязав белый с цветами ситцевый платок летом и тёплую козью шаль зимой, заставляя меня носить валенки, прогуливаясь с Миештаганаби⁷ до подруг, принося домой завёрнутые в носовой платочек гостинцы, попивая чай в углу кухни, смеясь и радуясь вопреки всему пережитому — трём войнам, двум революциям и оставившему её единственному, — бегло читая Коран на арабском на поминках и по-русски умея лишь расписаться в ведомости за пенсию, начисленной по минимуму очередной марьжой⁸, экономившей госкопейку, вырастив дочь, которая, отстояв шесть часов за операционным столом, распевает так и ненаписанные им Зимний романс и Уфимские липы⁹ и, отмечая очередную юбилей, из уст в уста передаёт легенды их рода, слышанные им не раз, о тех, кто придя в эти голые степи, собирая кизяк и замешивая стены, надеялся, как всё живое, на лучшее, борясь за каждую десятину сенокоса, отбывая гужевую повинность на Тракте, выплачивая ясак белому падше¹⁰, греша по молодости и внося закят и садаку¹¹, учась в мактабах¹² складывать в слова вязь фарси и старого тюрки¹³, обучая других в медресе, стараясь, как он в свои лучшие годы, с караванами от Орска до Бухары, отправляясь в Хадж и не всегда возвращаясь из него, торгуя у стен Караван-сарая и, понукая лошадей, пронсясь на закате через Каргалу, в которой, поговаривают, живут душманы, не гнушающиеся мерзости, пряча дочерей по клетям от бунтующих казаков в годы очередной русской смуты, нанимаясь на работы к Тугустемирским и Иргизлинским заводчикам, наслаждаясь плиточным чаем из Катая с бортевым мёдом из Бурджана¹⁴, убегая от холеры и чумы в леса Накаса¹⁵, устраивая вороньи свадьбы¹⁶ и камлая на кубызе¹⁷

¹ Газиз Альмухаметов (первый татаро-башкирский композитор) расстрелян 10 июля 1938.

² Урус — русский;

³ Ирендык, Сандугач — народные песни.

⁴ Финская война 1939-40.

⁵ Альхамдулиллах — Хвала Аллаху, ритуальная фраза.

⁶ Ырымбур — Оренбург (башк.).

⁷ Миештаганаби — «бабушка из углового дома».

⁸ Марьжа — русская женщина (от имени Мария).

⁹ Зимний романс и Уфимские липы — одни из самых популярных среди татар и башкир эстрадных песен (первая переисполнена Алсу).

¹⁰ Белый падша — русский царь.

¹¹ Закят и садака — обязательная и добровольная милостыни.

¹² Мактаб — школа при мечети.

¹³ Старый тюрки — литературный язык XI — нач. XX вв.

¹⁴ Бурджан — Бурзян, горный край на Южном Урале, уцелевший очаг бортевого пчеловодства.

¹⁵ Накас — хребет в предгорьях.

¹⁶ Воронья свадьба — обрядовый праздник.

¹⁷ Кубыз — хомуз, варган.

дождь в суховеи, погоняя табуны на Общей с казахами и калмыками Сырт¹, выменивая кумыс и баранину на муку у Вани, выпивая маленькую пиалу запретной араки² по великим поводам, всматриваясь в глаза врага и высматривая вешки в лютый буран на шляхе³ меж Сакмарой и Яиком, распрягая гнедых у коновязи и закидывая пахучий аркалык⁴ на плетень, пересчитывая мелькающие за окном вагона серые столбы необъятной Империи и сворачивая в пучок седой емшан⁵, найденный под вязом у церкви на пригорке, устраивая ответную барымту⁶ на иштеков⁷ и перешибая нагайкой хребты обезумевшим от голода степным волкам, чьи зубы лязгают, как сию секунду — затвор, загоняя ничтожно малый кусочек тусклого металла на латунной гильзе в патронник и заставляя его мысль метаться в поисках спасения от неминуемого, взрываться в черепной коробке меж этих багровых сумеречных стен, ища выход, перебирая его память и память его предков, каюсь за себя и за них, помянутых и неведомых, потерянных во тьме веков минувших и грядущих, тех, кто бились, задыхаясь в кровавой пыли, с Аксак Тимуром на Кондурче⁸, и тех, кто будет биться в кровавых закатах за песни, которые он уже никогда не услышит и не споёт, кто, украв невесту и отпустив поводыря, летел ponad ковильным морем, расцвеченным синими сполохами отражений Тенгри, и кто, утопая в омутах коварных степных речушек, уходил, не произнеся шахаду⁹, но повторяя полуязыческие молитвы нарождающейся луне, кто, в ярости разрубая до седла ятаганом забывшего, на кого он смотрит, ханского откупщика, приговаривал заклинания из Ясы¹⁰, и кто, привыкнув ходить гордо, не уступил пару столетий назад дорогу на мосту самому Хызыр Ильясу¹¹ — глазам и ушам Пророка на Земле — тому, чей палец при саламе¹² мягок, ибо бескостен, чьи глаза бездонны, ибо помнят и Ису¹³, сына Марьям, присевшего передохнуть на пороге его дома по пути на Гору, и сияющего аль Бурака¹⁴, вознесшего его к престолам, чьи уста молчаливы, ибо тысячи раз сказано и десятки тысяч раз забыто о сдвоенных путях меж озёрами и чрез мосты тоньше волоса и острее лезвия дамасского булата¹⁵, чьё сердце обширно, как сама Земля, повенчанная с Океаном, ибо оно — сами травы и деревья, что из века в век тянутся к Солнцу, покуда горит оно, покуда не заключит, исполняя Волю, Ахура Мазда¹⁶ весь мир в имя своё — Ахыр Заман¹⁷, — и кто сейчас стоял рядом с ним, ожидая выстрела и свидетельствуя, что тот, вынесший приговор, несправедлив и неправеден, что вот, взгляни на него, Боже, и утоли печаль мою и маету, меня, что сейчас несётся босоного по лугу, по ромашкам и валькам, навстречу мягким лучам и рукам матери, пахнущим хлебом и яблоками, которые так любит и наша Тайлукай¹⁸, и Гильмакал-абыстай¹⁹, и Ситдик-бабай, ибо я, глаза Твои и уши, вижу, что достойный справедливости достоин и прощения, Всепрощающий, и, укрывая этого человека своим плащом, он — нет, се я, Завернувшийся²⁰, у стены в ожидании расстрела прозреваю Тебя и в щербатом кирпиче, выложенным Тобою и мною столетие назад, и в этом бедном подневольном солдате, тянущем курок, во вспышке, озаряющей двор с первым лучом солнца, скользющим в каменный мешок бытия, что сошлось в Сердце сердец, в эту малую точку, где есмь я; и во мне воссоеди-

¹ Общей Сырт — нагорье в степи.

² Арака — водка.

³ Шлях — дорога по сыртам.

⁴ Аркалык (не путать с архалуком) — попона.

⁵ Емшан — полынь.

⁶ Барымта — набег.

⁷ Иштеки — казахи (для жителей Урала) и башкиры (для казахов).

⁸ Кондурча — место битвы 1391 года между ханом Тохтамышем и эмиром Тимуром, с которой началась гибель Орды.

⁹ Шахада — ритуальная формула принятия ислама.

¹⁰ Яса — закон Чингис-хана.

¹¹ Хызыр Ильяс — персонаж мифологии мусульманского мира (особенно суфизма), Посредник, восходящий к образам зороастрийской (Хидр) и египетской (Осирис) мифологий.

¹² Салам — здесь приветствие.

¹³ Иса, сын Марьям — Иисус Христос; в исламе — пророк, укрепленный Св. Духом.

¹⁴ Аль-Бурак («сияющий, молниеносный») — внеземное животное, переносящее пророков на небеса.

¹⁵ «...о сдвоенных путях меж озёрами и чрез мосты тоньше волоса и острее лезвия дамасского булата» — описание посмертного странствия человека; мост над адом — Сират (зороастр. Чинват).

¹⁶ Ахура Мазда — «Бог Мудрый (мыслящий)», Творец в зороастризме; значимое количество зороастрийских понятий вошло в тюркский мир.

¹⁷ Ахыр Заман — «Конец времён», переосмысление имени Ахура Мазда в Степи.

¹⁸ Тайлукай — имя лошади.

¹⁹ Абыстай — приставка к женскому имени, отмечающая её, женщины, мудрость.

²⁰ Завернувшийся — отсылка к аяту «О, Завернувшийся! Встань и увещевай!»

нились все, ушедшие и непришедшие, — ибо прощены мною, свидетелем жизни¹ Твоей, — что, взрываясь звёздами и вселенными, ярясь вешними водами и колосясь рожью на ниве, клекоча беркутом в вышине и наполняя грудь радостью юного ветра, гремят во мне, подпевая моему восторгу, вместе с пулей, вылетевшей из ствола, мою лучшую, выверенную до полутонов, сокровенную песнь отведённой мне вечности — «Имя Имён».

СИМБИОЗ

Вокруг него всегда были женщины. Разные. Тонкие, как осины, стройные, как драконово дерево, одинокие и не очень, с увядающей красотой и красотой «а я вполне ещё ничего»; они приводили юных дочерей, желая им надёжного, незыблемого счастья — и, разумеется, не забывая о себе, ибо, лишь возлюбив себя, как саму себя, можно что-то дать другим. Они тянулись к нему, как осенняя трава тянется к солнцу, к его жгучим чёрным глазам, седине в эспаньолке, пламенному тенору — ко всему тому, чего не хватало в их серой жизни, что отсутствовало в их никаких супругах.

И он их спасал. Он чистил им карму и прочищал чакры, снимал порчу и родовые проклятия, ставил защиту от сглаза и энергетических вампиров, воодушевлял рассказами об их прошлых жизнях — о, высшие силы были так благосклонны, что посылали ему исключительно королей и принцесс, на которых великолепно смотрелись когда-то жемчуга и кринолины, но ради лучшей реинкарнации — и не в последнюю очередь ради встречи с ним — им нужно здесь и сейчас смиренно носить греческие шубки и пренатуральнейшие фианиты².

Он знал если не всё, то самое важное и охотно делился поступавшей свыше информацией с последователями и ученицами. Катаясь по городам и посёлкам, он читал в домах культуры и бизнес-холлах лекции о вреде привязок, о своём астральном опыте, о том, как правильно выращивать огурцы на личном, предписанном «Тайными Ведами» гектаре, о том, что вселенная похожа на вывернутый рукав. «...фуфайки», — заканчивали женщины мысль, представляя похожую на его волосатое предплечье руку бога, пытающуюся справиться с толстым ватником. Он прекрасно знал будущее, но избегал посвящать в него неокрепшие умы, однако с удовольствием рассказывал о великом, скрываемом властями и учёными прошлом: о седобородых бардах, бороздивших просторы Арийской Прародины верхом на благородных оленях, о злобных мелких карликах, сбивших народ с пути истинного и заведших в тупик бесконечных реформ и кризисов, о посланцах из галактики Альфа Центавра, которые скоро всенепременно явятся в эту избранную страну — а конкретно, в этот город — и примут их, каждую из сидящих в зале, в свои благодатные объятия.

И пусть женщины не всё понимали, но слушали со всем посильным вниманием и заставляли слушать глупых муженьков, безнадежно мечтая, что последним передастся частица величия этого человека — или хотя бы их покинут бесы, принуждающие пить, а если не пить, то мало приносить домой, а если приносить достаточно, то не любить, а если любить, то как-то не так. И лишь Он, неповторимый, казалось, проникал своей быстрой настойчивой речью в самые глубины женских сердец, истосковавшихся по нормальному мужику, и глаз, запуганных уже не первыми морщинками короткого бабьего века.

А потому они всей душой, всей своей непутёвой жизнью, всеми эфирными, витальными и атманическими телами отдавались этому воину света, являя всем актовым залом коллективное лоно, принимающее семя сокровенного знания; а он — брал их, бросая зёрна истины в эти восхищённо приоткрытые рты, в эти загубленные официальной медициной миомные, холецистичные, остеохондрозные лица и специальными упреждениями за считанные дни излечивая как банальную простуду, так и менструальные

¹ «Свидетелем жизни» — понятие «шахада» означает «свидетельство» (отсюда же слово «шахид»); т.е. человек является свидетелем собственной жизни, жизни окружающих и жизни творения, что перекликается с легендой об Адаме, раздающем имена.

² Фианит — искусственный кристалл, напоминающий алмаз.

боли. Он учил их мыслить самостоятельно, и, придя домой, уложив спать непослушную дочь индиго и отчитав сына, которого, невзирая на то что он ребёнок Шестой расы, скоро заберут в армию, женщины садились на кухне с листом бумаги и, разбирая по слогам и буквам имена родни и названия самых простых вещей — табу-ре-т, ту-ал-лёт, аб-ажур, — постигали их сакральный смысл. И пусть с утра ждёт работа и мешки под глазами, но в этот поздний час их ауры светились восторгом открытия, пробивая блокировку, установленную вокруг планеты тёмными силами.

И он, сидя в своей тесной, минималистически, «как у японцев», обставленной кватирке и медитируя на глаз Брахмы¹, думал о том, что настоящие его дети — это его ученицы, а не те плоды кармически обусловленного и кармически ошибочного б-рака. Он чувствовал свою ответственность за этих умных, но заблудших в грехе телегонии дев, образовавших с ним доселе невиданную, освящённую небесами семью, и, хотя умело отгонял от себя эту мысль, в глубине души чувствовал, что у каждой из них он должен был быть первым и последним, а потому калёным железом холотропного дыхания выжигал пятна скверны из их энергоинформационных оболочек и, как только установилась тёплая погода, подвергал женщин суровому испытанию — вывозил в места силы: сначала до ближайшей речки с бугром, на котором миллионы лет назад существовало языческое святилище, потом, по мере того как строились новые автобаны и тропинки вытаптывались в дороги, дальше, открывая на месте никчемных археологических раскопок и туристических достопримечательностей порталы в иные миры, арки гиперборейцев и мегалитические гробницы атлантов.

В одну из таких поездок им овладела Она. Не думалось ему, что такое когда-либо случится, что его, Одинокого Волка, вставшего на Путь Орла, — как он когда-то для себя решил, — сумеет увести от величественной цели это низменное, по сути, существо.

Это случилось в день летнего солнцестояния. Выложив на склоне холма, называвшегося Гора Любви, мандалу, представлявшую собой 777-шаговую спираль их лемурийских предков, ученицы всей группой легли в её центре и стали наблюдать многочисленные НЛО, перемещающиеся красными и синими огоньками и пересекающие небо в разных направлениях. Отбросив, как наставлял Гуру, ложную, внушённую социумом скромность, они лежали в костюмах Евы, впитывали женское начало у растущей, обрезанной справа, луны², искали знакомые созвездия (Ковш, например), гадали, какая из ярких звёзд является Полярной и что за звезда, которой раньше там точно не было, появилась в северной, кажется, стороне небосвода, так странно переливаясь и мерцая (пришли к выводу, что это — сверхновая, возвещающая наступление эры Водолея), ждали восхода пояса Ориона³ и, изрядно озябнув от единения с прохладой ночных торсионных полей, разбредались по машинам и палаткам.

Наконец, ей удалось остаться с ним вдвоём. Всеми фибрами души она молила: если этому суждено случиться, то пусть случится сегодня, когда её естество готово, как никогда, пока её нутро полыхает жаром. Она этого заслужила — всеми бессонными ночами, всеми смятыми простынями, всей готовностью прибежать по первому зову, всеми козлами, что были «до», — и владыки кармы услышали её: он прикоснулся! И пусть камни и колючки больно впивались в спину, пусть физическое удовлетворение было меньше, чем от душа, — тем сильнее было воздаяние моральное: её брал не человек, нет, даже не пророк... сам Он, превратившийся из чего-то абстрактного в такое близкое и осязаемое...

Утром, сидя, обхватив пухлые колени, на раскладном стульчике, она неведомым женским чутьем поняла: Это — свершилось! То же поняли подруги — было видно по взглядам, стреляющим в её сторону. Лишь ему, ясновидящему, пришлось сказать отдельно, через пару недель, когда тест подтвердил догадку: в ту ночь он потратил слишком много тантрической энергии, и потому третий глаз временно перестал функционировать. Конечно, он пытался сопротивляться, заподозрил козни сил Зла, размышлял о строительстве ашрама для всей общины где-нибудь в деревне, но — не на ту напал: на пятом месяце сыграли свадьбу. К тому времени он вновь вошёл в привычный образ, с благодарностью принимал дорогие, подчёркнуто индивидуальные подарки и пожелания кавказского долголетия ему и семейного счастья им двоим — она же царственным взором благословляла подруг, прощая им змеиное шипение улыбок.

На тридцать третьей, символичной, неделе родился малыш — с такими голубыми глазами, что не оставалось никаких сомнений: это Сын Неба. Его даже хотели так назвать, но воспротивились глупые чиновницы из мэрии: они, тупицы, не знали, кто сто-

¹ «...медитируя на глаз Брахмы, думал о том...» — взаимоисключающие параграфы.

² Растущая луна «обрезана» слева.

³ Созвездие Орион в средних широтах появляется в сентябре.

ит перед ними.

Мальчик рос нормальным, в меру хилым, в меру сообразительным, но какой-то особый свет озарял его лик, когда он разглядывал комиксы или надкусывал яблоко. Мать с гордостью и умилением смотрела на своё чадо, находя в нём всё больше доходящих до идеала — да что там, превосходящих любой мыслимый идеал — черт супруга. Отныне, в знак своей Вечной Невинности, она носила только белое, активно занималась самосовершенствованием и полнела, готовила котлеты из спаржи с луком и редактировала выпускаемые одна за другой книги мужа — в нём открылся талант писателя и публициста. К шестнадцатой работе его первоначально сухая проза стала ритмической и уже лучше доходила до читателя: он торопился донести до масс эзотерические знания о том, Как Оно Всё Было На Самом Деле, и массы проникались.

Тиражи достигали чисел с пятью нулями, движение за духовную трансформацию достигло общенациональных масштабов, и пусть тренд несколько сменился, и даже их подросший наследник, следуя моде, причислял себя к атеистам, но ответ на главный вопрос истории — кто виноват? — устраивал всех: и стоящих у цели пути, и находящихся в пути к цели.

Наконец, на него обратила внимание Она. Власть. Это был час триумфа его воли, его решимости, его Учения! Конкуренты тут же нашли точки соприкосновения и единство идей, завистники и недоброжелатели предпочли умолкнуть или сбежать к окружившим родину врагам, а народ более не слушал невнятное бормотание запутавшихся в собственных догматах, противоречащих здравому смыслу университетских фальсификаторов с их обезьянами, относительностями и подделанными архивами — народ открывал для себя истинное, дарованное исключительно ему десятки тысяч лет назад Предназначение: нести Свет погрязшим во тьме невежества соседям по планете. Но первым делом народ жаждал реванша за десятилетия унижения, последовавшие за предательской капитуляцией в той неудачной войне.

Полные благодарности за прозрение письма приходили к Учителю, и он осознал: эти люди — его новая семья взамен покинувших его по причине менопаузы, впавших в непрощаемый грех гордости учениц. Эти люди — его великая миссия, и он обязан каждым словом, каждой ниткой имиджа направить их к спасению — направить на борьбу с проклятыми ящерицами в человеческом облики, создавшими тайное правительство, поработившими весь мир, с особым цинизмом уничтожавшими его отчизну, тысячелетия назад простиравшуюся от океана до океана (свидетельством чему служат пирамиды, разбросанные по всем уголкам земли), а ныне в бессильной злобе, руками своих марионеток пытающимися сокрушить последний Бастион Добра — его страну!

Он видел будущее предельно ясно, как сегодняшний день, как жену, с каменным лицом застывшую рядом на трибуне общественно-политического форума, знал даже дату, когда пришельцы в ужасе побегут прочь и будут поглощены чёрной дырой, ожидающей своего часа на тёмной стороне Луны... Не предвидел он лишь некоторых незначительных подробностей: что его сын покончит с собой в одной из первых стычек этой странной, самоубийственной войны, что сам он, отдав все силы своему народу и ослабив энергетический кокон, будет коварно атакован Врагом и умрёт от онкологического поражения ректума, и что его супруга, пережив парад союзников у стен парламента, станет доживать годы в заставленной самой разной мебелью родовой усадьбе и, ярко напомадив морщинистые губы и сев под еле прижившейся на участке звенящей сосною, будет кокетливо давать интервью редким заезжим журналистам о незаслуженно забытом мессии, чьё семя столь своевременно упало в жаждавшую доступных ответов — и хоть какого-то утешения — почву.